

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Замужем поневоле. Часть 2: Уроки конфликтологии

... Дома я уже привычно заперлась в ванной и вспоминала, как впервые дала мужчине прикоснуться к своему телу; и представляла себе нашу первую брачную ночь с Азером: как он отстёгивает красный пояс (в нашем народе его надевают невестам-девственницам), развязывает корсет на моём платье, целует в шею, губы, снимает лифчик, щекочет языком сосочек; а я вижу себя в зеркале — только в трусиках и чулках, и возбуждаюсь от этого; как Азер говорит, что любит одну меня, спускается ниже, снимает трусики, касается язычком входа в моё лоно; как я, показывая ему: «не торопись!» — поднимаюсь и обнимаю головку его, стоящего как кол, Меча Страсти и щекочу языком уздечку, как заглатываю полностью и насаживаюсь на него ртом, как через несколько минут этих игр, снова ложась, обнимаю его, прижимая к себе, и раздвигаю ножки; и, конечно, тот момент: я вцепляюсь ногтями в его спину; а он держит меня за попку, и я чувствую, что принадлежу только ему...

Но обо всём по порядку.

Проснувшись утром после дня рождения, принесшего столько волнующих новостей, я чувствовала себя сильно не выспавшейся, но блаженство растекалось по телу. Обратив внимание, что сосочки топорщатся столь же сильно, что и ночью, я провела по ним рукой — и внизу живота сразу стало теплее. Глаза закатывались. Я сжала сосочек изо всех сил — и тело откликнулось почти столь же сильным желанием, как и вчера. Другая ладонь быстро дошла до моей пещерки удовольствия, и я с удивлением поняла, что она уже вся влажная. Палец легко зашёл внутрь; стон я сдержала. Второй — и я уже где-то не здесь...

— Гюнай, вставай, опоздаешь в школу! — Несмотря на завладевшую мной похоть, остатки разума подсказали, что мама права.

На трясущихся ногах я дошла до ванной и заперлась там. Запах пальчиков возбуждал, но нужно было умыться. Я открыла холодную воду, чтобы взбодриться, сполоснула руки. Затем встала в ванную: на мне всю ночь не было сухого места, нужно было мыться. Но прикосновение холодного пальца к горячим створочкам моего лона заставило вздрогнуть, еле сдержав пока ещё непривычный стон наслаждения — и я, присев, продолжила свою «утреннюю зарядку». Продолжать, впрочем, долго не пришлось: я, практически не сдерживая стоны (шум воды прикрывал их), забилась в оргазме от третьего прикосновения к клитору...

Итак, в день моего совершеннолетия отец сообщил, кого же он выбрал мне в мужа. Я была возмущена столь пренебрежительным отношением к моему мнению, а решение отца вызвало сильнейшее, до сих пор мне незнакомое, чувство безысходности и невозможности повлиять на ситуацию. Но — и это было главным открытием — то чувство возбуждало меня гораздо сильнее, чем первая любовь: всю неделю я спала по 3—4 часа, а всё остальное время, находясь в сексуальном напряжении, представляла, как муж будет использовать меня, — и ласкала себя, и получала ощущения, как я тогда думала, неописуемого блаженства: оргазм за оргазмом, тогда ещё столь непривычные, накрывали меня, заставляя дрожать в экстазе и плакать от блаженства.

Разум, однако, в тот момент ещё не пришёл в согласие с телом, и я размещала в интернете сообщения: «Меня насильно выдают замуж, помогите!». () Большинство людей вообще не верили, что в России такое возможно. Те, кто верил, предлагали сбежать. Ага, сбежишь тут с

отцовскими связями в милиции и спецслужбах!

Один человек посоветовал поговорить с отцом. Я прочитала этот совет в трамвае, когда ехала с одноклассницей Светой в торговый центр посмотреть кино, и вдруг вспомнила, как лет пять назад отец сказал: «Девочка не может выбрать себе судьбу. Когда Гюнай будет восемнадцать, она выйдет замуж. К тому времени я буду знать, за кого, и сообщу ей...

Женщина не может подчинять себе мужчину. Наоборот: она должна во всём его слушаться...».

Я уже несколько дней подряд находилась в сексуальном напряжении: соски постоянно топорщились, киска всё время текла. А тут... Я, стараясь сесть прямее, лишь подвинулась попой ближе к спинке трамвайного кресла. Ткань трусиков лишь слегка потёрла, как всегда в последнее время, напряжённые нижние губы; я же, словно прожжённая электрическим разрядом, выдохнула: «А-ах!». Подруга посмотрела на меня:

— Гюнай, с тобой всё хорошо? — Да, всё в порядке, — ответила я, взяв себя в руки и закрыв страницу со своим вопросом в интернете. Дело в том, что многие в школе завидовали моему будущему замужеству, и я скрывала, что меня вообще никто не спрашивает.

Однако, нужно было что-то делать: я сильно возбуждалась и боялась, что смазка, просочившись сквозь трусики, создаст пятно на джинсах в промежности. Все будут думать, что я описалась. Заказав в кафе поесть, Света осталась сидеть за столиком, чтобы его не заняли, а я побежала в туалет «помыть руки». Забежав в кабинку и запершись, я быстро сбросила джинсы и трусики (последние дёрнула так, что они порвались), и, задыхаясь от стеснявшего грудь лифчика, снова стала тереть клитор. Обстановка возбуждала: вонючий сортир, вокруг ходят люди, а я, с голой попой сидя на унитазе, дёргаю свой бугорок страсти, сжимая его пальцами всё сильнее и сильнее. И снова я еле-еле сдержала крик...

Собираясь выходить, в последний момент догадалась стереть туалетной бумагой смазку с бёдер.

Выходя, я обнаружила, что случайно забежала в мужской. Хорошо, что в момент входа и выхода он был пуст.

Поев с подружкой, я предложила заглянуть в магазин нижнего белья: мои трусики, как я уже говорила, были порваны, и мне нужно было купить новые. Увидев на мне рваную тряпку, Света поразилась:

— Гюнай, зачем ты ходишь в лохмотьях? — Торопилась гулять, ничего не могла найти.

Света посмотрела недоверчиво.

Во время примерки, объясняя, почему лиф не хочет садиться на мою грудь, как надо, она задела мой сосочек, — и у меня внутри что-то перемкнуло...

— Гюнай, очнись!

Я стояла так же, сосочки возбуждённо встали над уровнем кожи. По виду Светы я поняла, что ей стали ясны и причины порванных трусиков, и многое другое... Она помогла подобрать комплект (простой, но сногсшибательно выглядывший на моём юном теле).

Купив нижнее бельё, мы вышли из магазина. Посмотрели фильм — было скучно. Пошли домой.

— Гюнай, он такой классный? — Кто? — Твой жених. Ты же в него влюбилась и постоянно его хочешь!

Я не могла сознаться, что вообще ещё не видела его; да и вообще, в классе был другой парень, Азер — вот в него-то я и была влюблена. И, как мне казалось, я ему тоже нравилась — что не

мешало ему развлекаться с другими, в том числе однажды со Светой. Я ревновала, но не могла повлиять.

Стоп! Вот он — выход из ситуации!

— Я пока не знаю, Свет, но ты подала мне идею! — Сказала я, и, поцеловав подругу в губы, побежала домой.

Выйти замуж за любимого не так уж и сложно! Как же я не подумала раньше! Звоню Азеру: — Азер, есть дело. Надо встретиться. — Когда? Прямой сейчас? — Да! — Не боишься, что нас увидят? Мне-то ладно, а вот тебе как дома достанется... — Тогда увидимся там, где никого нет! — Ладно, давай! Тогда в лесопарке. Буду ждать тебя на тропинке у фонарного столба с электрощитком. Не здоровайся. После того, как я посмотрю тебе в глаза, следуй за мной на расстоянии, как будто идёшь сама по себе. Я приведу тебя в очень укромное место.

Азер привёл меня в заросли.

— В общем, Азер. Меня выдают замуж. — К-как? — Аж запнулся он. — Отец решил. Я сама не могу ему ничем перечить. — Да, многие наши до сих пор следуют традициям. Но чем я могу помочь? — Я же тебе нравлюсь? — Ну... — Да или нет? — Да, Гю, конечно! Ты классная! — Ну так единственный шанс — это чтобы и ты предложил руку и сердце! — Хм... А сваты к вам уже приходили? — Придут через четыре дня. — А ты-то меня любишь? — с жаром в голосе спросил парень.

Меня воспитывали достаточно строго по отношению к мужчинам, и сказать «Да» было непросто. Но я это сделала. В тот же миг Азер впился в мои губы с языком. Не знаю, что со мной произошло, но я отключилась и обняла его шею...

Азер развернул меня спиной к себе; его рука залезла мне под футболку и затем под лифчик, и оказалась того же третьего размера, что и моя грудь; сильными пальцами сжимая сосок так, что мне было немного больно, другой рукой он, расстегнув джинсы, нырнул в трусики и тербил бугорок блаженства. Я, отрываясь от блаженства, вновь следила лишь за тем, чтобы молчать...

Но звук чьих-то шагов прервал нас. Мы выбежали из зарослей; я на ходу поправила лифчик и застегнула джинсы.

— Ладно, поговорю с отцом, — сказал Азер голосом, в котором чувствовалось страстное желание.

Мне было не легче; дома я уже привычно заперлась в ванной и вспоминала, как впервые дала мужчине прикоснуться к своему телу; и представляла себе нашу первую брачную ночь с Азером: как он развязывает корсет на моём платье, целует в шею, губы, снимает лифчик, щекочет языком сосочек; а я вижу себя в зеркале — только в трусиках и чулках, и возбуждаюсь от этого; как Азер говорит, что любит одну меня, спускается ниже, снимает трусики, касается язычком входа в моё лоно; как я, показывая ему: «не торопись!» — поднимаюсь и, повинаясь его рукам, тянущим мою голову к пазу, обнимаю головку его, стоящего как кол, Меча Страсти и щекочу языком уздечку, как заглатываю полностью и насаживаюсь на него ртом, как через несколько минут этих игр, снова ложась, обнимаю его, прижимая к себе, и раздвигаю ножки; и, конечно, тот момент: я вцепляюсь ногтями в его спину; а он держит меня за попку, и я чувствую, что принадлежу только ему...

Я не считала, сколько раз кончила, зато мама не забывала отсчитывать время:

— Гюнай, за это время слона можно вымыть! Выметайся из ванной!

Я всё-таки немного расслабилась, потому вышла и легла спать.

Азер сдержал обещание; уже через два дня отец сообщил, что приходили его родители и просили руки, утверждая, что я его люблю. Говорил при этом немного раздражённо.

— Это правда? — Спросил отец, строго глядя на меня. — Да. — И хочешь замуж за него? — Хочу.

Отец, в задумчивости: — Я подумаю. — Спасибо, папа! — Воскликнула я, целуя его в щеку, — ты самый лучший!

На следующий день отец собрал сыновей посоветоваться. И мои братья, возрастом 10-ти, 13-ти и 16-ти лет, решали судьбу своей 18-летней старшей сестры. Мама, Ниляй и я стояли за дверью, пытаюсь подслушать. Сердце было подобно барабану.

— Пап, ну ты же уже обещал! Какова будет твоя репутация после этого? — говорил Тимучин.

— Денег от Азера ты получишь ненамного меньше, чем от Мусаевых. Но Гюнай будет приятно, если ты учтёшь её мнение — это был младший, Мехман. — Да что она понимает в том, что такое семья? Привыкнет! — средний, Азиз, вообще относился к девочкам, как к проституткам. — Гюнай, держись! — Шепнула Ниляй. Мы обнялись. Мои руки дрожали.

Там было много что сказано, но не всё было слышно. Пытаясь успокоиться, я прислонилась спиной к довольно холодной стене. Наконец, совещание закончилось. Меня позвали. Я встала посередине; слева сидел Тимучин, справа — Азиз и Мехман, отец же, в кресле передо мной, буравил меня взглядом. Я потупила глаза: так было проще.

— Гюнай! Мы посоветовались и решили, что ты выйдешь замуж за Латифа.

Последовала пауза секунд на десять, прежде чем я смогла сказать:

— Но... Папа! — Никаких «но»! Ты всё поняла? — Да, — ответила я, не в силах более сопротивляться: на глаза наворачивались слёзы.

— Через два часа поедem по магазинам: подбирать платье на сватовство. Поешь и собирайся. Мужчины вышли из комнаты. Вошла Ниляй; мы обнялись, и я заплакала